

ЭГО МАНЬЯКА

ДАВИД КОН

**ТА САМАЯ
ДРУГАЯ
ДОЧЬ**

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4(569.4)
ББК 84(5Изр)-44
К64

Кон, Давид.

К64 Та самая другая дочь / Давид Кон. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Эго маньяка. Детектив-психоанализ).

ISBN 978-5-04-119540-3

На Марка Либавина обрушились неприятности. От него ушла жена, он потерял работу. В довершение всего стали мучить ночные кошмары. Известный ясновидящий сказал, что так проявляется кармическая связь с дочерью Марка, погибшей много лет назад. Чтобы успокоить душу, нужно любой ценой найти дочь — теперь уже в ее новом воплощении.

Он обнаружил ее в Москве. Бизнес-леди Ирина Викулова. Все у нее было прекрасно до того мгновения, пока Марк не встретился с ней. От руки неизвестного маньяка погибает муж Ирины, а ее саму начинают преследовать бандиты. Марк поклялся найти убийцу, спасти дочь и тем самым распутать кармический узел.

Но, увы, все оказалось гораздо сложнее и страшнее...

УДК 821.161.1-312.4(569.4)
ББК 84(5Изр)-44

ISBN 978-5-04-119540-3

© Кон Д., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОЧЬ

ГЛАВА 1

Глаза у женщины были серо-голубого цвета, и в них горела такая ненависть, что у Марка перехватило дыхание. Когда-то он уже видел эти глаза. Но когда? И где? Мысли прыгали, как обезьяны на ветках, и ему никак не удавалось их успокоить. Где он видел эти глаза? И эти точеные черты лица, эту мушку на правой щеке. И эту прическу. Как она может его преследовать с такой башней на голове? И в этом допотопном платье с кринолином? Глаза не отставали ни на мгновение, и он понимал, что укрыться от них ему все равно не удастся, но бежал. Бежал, спотыкаясь, падая и поднимаясь. Незнакомка не отставала ни на шаг. Она протянула руку и коснулась его плеча. Рука была ледяной, и плечо сразу ооченело. «Господи, — успел подумать Марк, — где же она так замерзла?!»

Марк попробовал отодвинуться, отстраниться, но леденящий холод в одно мгновение охватил все тело, лишив его возможности пошевелиться. «Я мертв, — осознал он. — Неужели я уже мертв?» Рука женщины потянулась к его лицу. Марк застонал и попытался отступить. Вместо шага получилось неловкое движение, и он едва не упал. Женщина придвинулась ближе и заслонила от него не только горы на горизонте, но

и свет, льющийся откуда-то сверху. Ее тонкие светло-розовые губы приблизились к его лицу. Он вскрикнул и застонал...

— Марк! Марк! Марк Викторович! Что с тобой?

Марк открыл глаза и отпрянул. На него надвигались губы. Но не тонкие и не светло-розовые, как во сне, а полные и ярко-красные. Губы секретарши Зиночки. Еще доля секунды, и вокруг губ сфокусировалось лицо — нежные розовые щеки, аккуратно уложенные черные волосы, карие глаза. А в глазах — нескрываемый ужас и неподдельная забота.

— Что с тобой, Марк? Тебе нехорошо?

Он огляделся и узнал собственный кабинет. Афиши на стенах, книжный шкаф с кожаными корешками книг, массивное трюмо, заваленное рукописями пьес никому пока еще не известных драматургов... Господи, он заснул прямо за рабочим столом. А почему Зина прибежала? Неужели он еще и храпел? Какой позор! Ему не хватало только слухов о том, что директор театра «Шер» Марк Либавин превратился в старый разваленный пенёк — дышит на ладан и засыпает прямо за рабочим столом. На язычок актерам только попади! Живого места не оставят. И прозвище Спящая красавица ему обеспечено. Так и будут говорить: «А наша-то Спящая красавица зарплату повышать не намерена?» Хотя... Какая теперь зарплата, не говоря уже о ее повышении!

Марк вспомнил об утреннем разговоре с многолетним спонсором театра, Амирамом Бруком, владельцем двух строительных компаний. Брук был мрачен, говорил о трудностях мировой экономики, о повышении цен на нефть и металлоконструкции, о наглости конкурентов. Марк, который с первых слов понял,

к чему клонит собеседник, сидел молча. А Брук, закончив рассказ о трудной жизни крупных промышленников проклятиями в адрес доллара, евро, франка, иены и прочих твердых валют, опустил глаза и сказал, что в связи с вышеизложенным он со следующего месяца вынужден прекратить финансирование театра. Оглушенный дурной вестью, еще не понимающий до конца, что произошло, Марк кивнул и молча поднялся из-за стола.

Нельзя сказать, что перспектива такого поворота событий никогда не приходила ему в голову. По театру постоянно ходили слухи о возможном банкротстве Брука. Масла в огонь подливали газеты, печатая время от времени в своих экономических разделах сообщения об убытках его компаний. Марк, который не был чужд тому, что сам называл «философичностью размышлений», понимал, что все, имеющее начало, должно иметь и конец. В том числе и щедрость Брука. Однако Марк очень надеялся, что этот конец наступит не раньше, чем он сам решит отправиться на заслуженный отдых. Марк отгонял от себя дурные мысли и находил тысячи доводов в пользу того, что желание Брука финансировать театр базируется вовсе не на щедрости мецената, а на точном расчете предпринимателя. Суммы, выделяемые театру, для Брука смехотворны, а имидж покровителя искусств — серьезное подспорье в рекламной кампании остальных его бизнесов. «Какой деловой человек захочет нанести удар по своему престижу? — убеждал себя Марк, отбрасывая в сторону очередную газету с курсами акций. — Это же позор на всю жизнь. Партнеры скажут: «А, это тот Брук, который не сумел поставить на ноги даже театр».

И вот все рухнуло. Доводы уже не имели ни силы, ни смысла. Марк шел к двери, ощущая на спине тяжелый взгляд бизнесмена и лелея надежду, что в последний момент все изменится. Амирам вернет его за стол, тяжело вздохнет и скажет: «Ну ладно, не переживай, я передумал. Годик мы еще продержимся». Но Брук молчал, и Марк сделал шаг через порог его кабинета. Все кончено. Все, чем жил он в последние десять лет, осталось в прошлом. Все, к чему привык и что любил.

Марку нравился театр. Нравились люди, живущие на грошовые зарплаты и думающие о том, как сделать свою работу лучше. Нравился бешеный ритм перед премьерами, когда он ночами не выходил из-за кулис, наблюдая за сборкой и установкой декораций. Он слушал споры художников, успокаивал разгоряченных режиссеров и визгливых драматургов, обожающих оперировать словом «концепция», привозил актерам горячую еду. Актеры ценили его заботу, называли его между собой «дедом». И он защищал их как мог от всех несправедливостей этого мира, считая, что сами они, нежные и ранимые, защитить себя не смогут. И вот все рухнуло. «За что? — подумал Марк. — За что, Господи? Ведь я не воровал, хорошо относился к людям. За что?!»

Марк поднял глаза на Зину. Попросить ее собрать людей и сказать им правду о скором закрытии театра? Нет. Рано. Он еще поборется. В конце концов, не один Амирам Брук есть на белом свете. А театр «Шер» — не последнее место и в этом городе, и в этой стране. Он еще потолкается локтями. Он вытащит свой театр из проблем. И только тогда соберет народ и расскажет всем, что сделал для них Марк Либавин.

— Все в порядке, Зина, — Марк надавил на глаза кончиками больших пальцев и постарался придать голосу максимальную строгость. Она должна понять, что никаких шуточек на тему своей внезапной слабости он не потерпит. — Все нормально. С чего ты взяла, что мне нехорошо? Мне хорошо, и даже очень хорошо!

Голос был хриплым. Он откашлялся и повторил:

— Все в порядке, милая. Просто я устал. Опять плохо спал ночью. Можно сказать, почти не спал. А что, я храпел?

Кажется, она поняла. Смотрит внимательно и строго.

— Не просто храпел, а как-то ужасно стонал. Я перепугалась, решила, что тебе плохо.

Марк закрыл лицо ладонями, стараясь выглядеть как можно более беспечным, зевнул, помассировал виски.

Ему плохо. Зина попала в точку. Ему очень плохо. Так плохо, как не было никогда. Он постоянно носит на сердце какую-то непонятную тяжесть. Она сковывает плечи и грудь, мешает дышать и радоваться жизни. Виной всему эти страшные сны, медленно сводящие его с ума и приходящие всякий раз, как только он закрывает глаза. А теперь к ним прибавился Амирам Брук, сделавший его безработным и породивший в нем страх остаться без куска хлеба. И раньше — Ольга, сделавшая его одиноким, никому не нужным стариком.

...Ольга ушла от Марка месяц назад. Он был занят премьерой и появлялся дома не раньше полуночи. Ольгу заставал уже спящей. Стараясь не разбудить ее, осторожно заползал под одеяло. Но в тот вечер она не спала. Сидела за столом в своем любимом голубом костюме, который надевала только по особо торжественным случаям.

Марк хотел пошутить по поводу жен, надевающих в полночь свои самые лучшие наряды, чтобы встретить у порога уставшего от многочисленных забот супруга. Но Ольга не приняла шуточного тона и сухо кивнула, приглашая его сесть за стол в гостиной.

— Я уйду, — сказала она спокойно и негромко, глядя мимо него в дальний угол комнаты. — Мне надоела такая жизнь. Мне надоели твоя ночная работа, твои актеры, твои женщины.

Марк сел. Каким-то внутренним чутьем он понял, что она говорит эти страшные слова не просто так, не пытается запугать его возможным разводом, приструнить или заставить измениться. Она приняла решение. И потому спорить и убеждать бессмысленно. Тогда, сидя за столом в собственной гостиной и пытаясь поймать взгляд Ольги, он впервые ощутил не только смертельную усталость от своей суматошной жизни, но и эту самую тяжесть, сковавшую на долю секунды все тело.

— Ты не хочешь со мной поговорить? — спросил Марк, заранее зная ответ. Спросил просто потому, что должен был что-то сказать.

— О чем? — Ольга пожала плечами. — Мы так долго не говорили друг с другом, что вряд ли один разговор что-то изменит. Да и не хочу я уже ничего менять. Слишком поздно.

Ольга встала из-за стола и подняла заранее собранный чемодан. Она молча стояла перед ним, вероятно, надеясь, что он поднимет глаза на нее. Но Марк смотрел на чемодан. Их старый темно-бордовый чемодан, с которым он не раз летал на гастроли. Как-то, когда Марк вернулся домой из очередной поездки, обнимал

в прихожей Ольгу и целовал ее в мягкую щеку, ему в голову пришла мысль: какое счастье, что этот чемодан не умеет говорить. О, ему было о чем рассказать! О ночах страсти с секретаршей Зиной, которую он иногда брал на гастроли, оформляя костюмером, об обещаниях, которые он давал дебютанткам, жаждущим получить роль, и литераторшам, написавшим свою первую пьесу и мечтавшим пристроить ее в тель-авивский театр. И сейчас, глядя немигающим взглядом, словно в забыты, в бордовый бок чемодана, Марк вдруг подумал, а не раскололся ли этот кожаный мерзавец? Не раскрыл ли свои сверкающие замки, не распахнул ли свое чрево, проложенное изнутри ярко-красным шелком? Нет. Не раскололся. В этом случае Ольга бы не ушла. Надулась бы на пару недель, выставила его из общей спальни, но не ушла бы. Все его шалости со случайными попутчицами в номерах зарубежных гостиниц не причина, чтобы разрушать их совместную жизнь. Все-таки они прожили вместе тридцать семь лет. Тридцать семь! Конечно, от былой любви не осталось даже воспоминаний. Но привычка и привязанность чего-то стоят. Он наконец оторвался от чемодана и поднял взгляд на нее. Он ждал, что она разожмет пальцы и чемодан мягко упадет к ее ногам. Потом она тяжело вздохнет, промокнет платочком глаза и сядет напротив. А он обойдет стол, обнимет ее за теплые плечи и в очередной раз пообещает, что у них еще все будет хорошо. И даже промурлычет, конечно, не попадая в ноты, своего любимого Вертинского. Как там было? «Ну не плачь, не плачь, моя красавица. Ну не злись, женулечка-жена. В нашей жизни все еще поправится, В нашей жизни столько раз весна!»

Но Ольга не разжала руку, молча погладила его по голове, поцеловала в лоб и вышла в прихожую. Когда хлопнула дверь, Марк подошел к окну. Он видел, как Ольга вышла из подъезда и пошла к новенькому «джипу», стоящему у обочины. Из машины выскочил какой-то мужчина, обнял и поцеловал Ольгу, подхватил чемодан и забросил его в багажник. Марк попытался разглядеть того, кто лишил его жены, но разобрал лишь лысину, сверкнувшую в свете уличного фонаря. Вот в чем причина. А вовсе не в его изменах, не в гастрольных романах, не в дебютантках и не в литературных дамах. Она нашла ему замену. Как? Когда она успела? Она давно вышла из возраста внезапной страсти, готовности бежать на край света с любимым и жить в шалаше. Значит, она давно знакома с этим лысым мужиком. Они встречались. Ездили в его «джипе», ужинали в ресторанах. Гуляли по набережной. Неужели их никто не замечал? Никто из его многочисленных знакомых? А как мог он ничего не замечать? Где он был? Марк ткнулся лбом в прохладное стекло. Он готовился к премьерам, мотался по встречам — деловым и не очень, ухлестывал за молодыми дамами, обедал в соседнем кафе и ужинал в рестораничках. И считал, что так будет всегда.

В ту же ночь он впервые увидел страшный сон. Женщину с серо-голубыми глазами, пытавшуюся его убить. Марк проснулся в холодном поту в начале второго, напился воды и залез под одеяло. Но заснуть в эту ночь ему больше так и не удалось.

Этот страшный сон он связал с уходом Ольги. Перед тем как заснуть, он думал о ее предательстве. Вспоминал каждое слово и этого лысого мужика под

уличным фонарем. Вот и потащил все эти проблемы в собственное подсознание. Но почему она хотела его убить? Почему тянула руки к его горлу? Неужели она его так ненавидит? За что? Тридцать семь лет их совместной жизни вовсе не были годами мучений. Да, они часто спорили. Иногда даже скандалили. Однажды он назвал Ольгу «дурой». Она плакала. Он извинялся, говорил, что вовсе не это имел в виду. Но ненависть в глазах и руки у горла. Это слишком. И что это на ней за платье с допотопным кринолином и идиотская прическа, как у какой-нибудь фрейлины какой-нибудь Екатерины? Весь следующий день сонный Марк злился, призывал себя «успокоиться и забыть обо всем, что было». Чтобы отвлечься, старался найти себе как можно больше разных дел. Но ночью все повторилось. Та же женщина, те же ненавидящие глаза. Погоня и руки на горле. После второй бессонной ночи Марк сказался больным и остался дома. Днем ему удалось пару часов подремать. Но тяжесть на сердце и туман в голове никуда не делись. С тех пор он потерял покой.

Врачи, к которым пошел Марк, соглашались: конечно, его состояние связано с последними событиями в семейной жизни. Говорили о травме, вошедшей в подсознание. Рекомендовали взять себя в руки, успокоиться, съездить за границу, отдохнуть, расслабиться, заняться аутогенной тренировкой, найти себе любовницу, в конце концов. «Вы же молодой человек, — убеждал его пожилой психотерапевт, телефон которого он нашел в записной книжке, забытой Ольгой. — Взгляните на ситуацию с другой стороны. В 63 года вам представилась возможность начать новую жизнь! Да об

этом мечтают многие мужчины!» Марк вышел от врача воодушевленный. Конечно, доктор прав. Ему нужно отдохнуть, расслабиться и успокоиться. В тот же день он с Зиной уехал на Мертвое море. Это казалось ему идеальным сочетанием. Тягучая пропитанная солью вода, теплый песок и молодая красотка с тонкой талией и пышной грудью. Но отдых не помог. Женщина с высокой прической и в пышной юбке продолжала являться, оставляя Марку лишь два-три часа для сна. Каждую ночь он метался по кровати, махал руками, пытаясь поймать ускользавшее наваждение, просыпался в холодном поту и ворочался до утра на влажных скомканных простынях.

...Марк еще раз протер глаза тыльной стороной ладони и взял принесенную Зиной чашку с кофе, продолжая размышлять. Что с ним произошло? Почему его жизнь разваливается на куски? Почему рушатся устои, казавшиеся незыблемыми? Ночные кошмары лишили его покоя и внутренней уверенности в своих силах, уход Ольги — домашнего уюта. Сегодняшний разговор с Бруком лишил его театра. Последнего пристанища. Последней опоры.

Марк сделал большой глоток и поднял глаза на Зину. Она стояла у стола, словно ожидая полного разъяснения ситуации, а скорее всего признательности за преданность.

— Я в порядке, дорогая, — Марк кивнул и поставил чашку на стол. — Все нормально. Просто пригрезилась какая-то чепуха. Не обращай внимания и спасибо тебе за заботу.

Зина расцвела. Привычным секретарским движением она раскрыла блокнот.

— Там пришел этот Веснин. Автор «Любовных страстей». Ты ему назначил на четыре. По поводу покупки его пьесы.

Только этого ему не хватало. Бесед о покупке пьесы. «Для несуществующего театра?» — шепнул внутренний голос. Но Марк заставил его замолчать. Сейчас нельзя расслабляться. Он должен работать как всегда. И все будет нормально. Не может быть, чтобы жизнь поступила с ним так несправедливо. Не может быть.

Марк посмотрел на часы.

— В четыре? Какого же дьявола он явился на четверть часа раньше?! Любовные страсти заели? Пусть посидит. Мне надо привести себя в порядок.

— Налить тебе еще кофе?

— Налей. Покрепче и погорячее. И ему предложи.

— Я уже предложила, — улыбнулась Зина, — но он отказался. Сидит весь из себя такой напряженный. Похоже, он пришел к тебе ругаться.

— А чего ему со мной ругаться, — отмахнулся Марк. — Условия покупки его шедевра не изменятся. Все-таки не Вильям Шекспир.

— Он так не считает. Он уверен в том, что является одним из крупнейших драматургов современности.

— А ты ему скажи, что одним из крупнейших мы считаем того сумасшедшего, что был у меня вчера. Как его?.. Бульман? Булькин?

— Бальман.

— Во-во, Бальман. Вот он и есть один из крупнейших. А все остальные — так, мелюзга.

Марк наскоро привел в порядок одежду — затянул узел галстука, отложил поверх него воротник сорочки.